

УДК 811.161.1'276
DOI 10.17223/18137083/55/15

Е. В. Соломина

Томский государственный университет

О стилевой дифференциации речи носителя городского просторечия

Ставится проблема стилевой дифференциации городского просторечия. Анализ осуществлен на основе записей спонтанной устной речи конкретного представителя просторечного типа речевой культуры. Показано, что в идиолекте носителя просторечия представлены нейтральный и сниженный стили. В качестве критериев сниженности в ходе анализа идиолекта носителя городского просторечия выявлены: употребление бранных и негативно-оценочных слов в отсутствие адресата оценки, просодические признаки при произнесении бранной лексики, отказ от использования сниженных элементов в некоторых ситуациях общения. Установлено, что сниженная лексика носителя городского просторечия неоднородна, в ее составе можно выделить три группы единиц, демонстрирующие градацию степени сниженности от незначительной до максимальной.

Ключевые слова: городское просторечие, языковая личность, идиолект, стилевая система, сниженная лексика.

Проблема стилевой организации языковой системы интересует лингвистов уже в течение нескольких столетий. Внимание исследователей издавна привлекает прежде всего литературная разновидность национального языка, хорошо описанная с точки зрения как общих характеристик функциональных стилей, так и идиостилей выдающихся художников слова. На этом фоне вопрос о стилях некодифицированных подсистем, существующих в бесписьменной форме, остается почти не изученным. Стилевая дифференциация местных говоров рассматривалась в работах Р. А. Аванесова, Л. И. Баранниковой, О. И. Блиновой, Л. М. Орлова, И. А. Оссовецкого, С. Э. Мартыновой и др., однако мнения исследователей относительно количества стилей в диалектах и критериев их выделения весьма противоречивы. Еще в меньшей степени изучено с этой точки зрения городское просторечие – подсистема общенационального языка, реализующаяся в речи необразованных или малообразованных горожан. Достаточно распространенным

Соломина Елизавета Владимировна – аспирант кафедры русского языка филологического факультета Томского государственного университета (просп. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия; e-solomina@yandex.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2016. № 2
© Е. В. Соломина, 2016

является представление о том, что городское просторечие стилистически не дифференцировано ([Капанадзе, 1984, с. 127; Гольдин, Сиротина, 1993, с. 13] и др.), однако специального исследования, посвященного стилевой стратификации в этой подсистеме языка, пока нет.

Сложность решения данной проблемы обусловлена тем, что литературный язык (ЛЯ) и городское просторечие (ГП) существенно различаются как коннотацией многих лексем (см.: [Быков, 2001; Банкова, 1987]), так и правилами употребления стилистически маркированных единиц, связанными с различием не только их функций, но и речеповеденческих установок говорящих. Затрудняет анализ и недостаточность имеющегося у исследователей материала, адекватно отражающего реальную речевую практику представителей просторечного типа речевой культуры.

В статье вопрос о стилевой организации городского просторечия рассматривается в рамках лингвоперсонологического подхода, предполагающего изучение языковой системы через речь конкретных языковых личностей¹.

Объектом исследования является идиолект типичного носителя ГП – Л. Л., мужчины 1959 г. рождения, русского, в период сбора материала проживавшего в Новосибирской обл., затем – в Новосибирске. Образование – 6 классов средней школы и курсы фотографов; в течение жизни сменил много профессий. Информант не читает художественную литературу, не создает никаких письменных текстов, не пользуется компьютером². Источником анализа послужили аудиозаписи его речи, сделанные в течение четырех лет (2002, 2010–2012), общим объемом около 72 часов. Дешифрованные материалы отражают спонтанную речь индивида в различных коммуникативных ситуациях (на работе, в семье, с друзьями и др.)³.

Анализ имеющихся текстов Л. Л. показал, что они стилистически неоднородны. Говоря о стилистической неоднородности ГП, мы не имеем в виду функциональные стили, которые принято выделять в ЛЯ: в просторечной подсистеме они отсутствуют. В работах И. А. Стернина, Ю. С. Степанова, Т. В. Матвеевой и др. отмечается, что система функциональных стилей в русском языке сосуществует с более древней, трехстилевой системой, обычно принимающей вид «возвышенное – нейтральное – сниженное», которую разрабатывал еще М. В. Ломоносов [Стернин, 1979, с. 86; Степанов, 1990, с. 494; Матвеева, 2010, с. 465]. В настоящем исследовании стиль рассматривается в рамках такой трихотомической системы. При этом существенно, что за пределами ЛЯ анализ стилевых особенностей идиостиля осуществляется с учетом комплекса параметров (выбор говорящим тех или иных языковых средств в зависимости от ситуации общения, интонационные особенности высказывания, проявления метаязыковой рефлексии носителя языка и др.), а стилевая дифференциация проявляется прежде всего на лексическом уровне и практически не затрагивает грамматику [Иванцова, 2003].

Абсолютное большинство единиц в идиолексиконе Л. Л. относится к стилистически нейтральным. В первую очередь это общие для всех подсистем русского языка нейтральные слова и выражения (*хлеб, рука, телефон, большой, говорить,*

¹ Разработка методологии такого подхода принадлежит исследователям Томской лингвистической школы Е. В. Иванцовой, Л. Г. Гынгазовой, Т. Ф. Волковой, О. А. Казаковой, С. С. Кузнецовой и др., в работах которых изучение феномена диалектной языковой личности осуществляется на основе анализа речевой практики сибирской крестьянки В. П. Вершининой (см. обзорные очерки: [Иванцова, 2006; 2010, с. 32–34]).

² Обоснование выбора информанта как типичного носителя ГП дано в работе [Соломина, 2010].

³ Методика сбора материала, применение которой позволило зафиксировать непринужденную речь носителя ГП, описана в [Иванцова, Соломина, 2014, с. 21–24].

жить в свое удовольствие, в первую очередь и т. д.). Вместе с тем другую часть нейтральных средств идиолексикона Л. Л. составляют слова, не входящие в состав кодифицированного ЛЯ: *Ну где я фо'тал на свадьбе – помнишь, да? – нету ни бабки, ни Афанасьича нету – они умерли; Айда сюда, ребята!; Врачиха не может со мной ничего сделать – телефон – я уже сверху наблюдаю все это: я вижу себя-я, стол вижу, слышь?; И вот я ее [фотографирующуюся женщину] посадил прямо на траву – ну, заднице там постелили – а платье так вокруг растелили; Я там подженился – с женщиной сошелся; Ох, она по ногам бьет, медовуха, капитально; Куда пошли, братва? А кто в карты будет играть?; Я с ними вась-вась живу; Там, наверное, хорошие бабки плотят, да?; Я чё-то эти два бокальчика выпил, так, слушай забалдел.*

Наряду с нейтральными, в идиолекте Л. Л. отмечены сниженные лексико-фразеологические единицы. Их выделение в ГП связано с определенными трудностями. Очевидно, что в данном случае нельзя применить ни критерий сопоставления с литературной нормой⁴, ни критерий закрепленности сниженных единиц «за сферой непринужденного общения, за неофициальными ситуациями», поскольку в ГП непринужденному общению отводится иное место, чем в ЛЯ [Сдобников, 1992, с. 21–23].

В то же время близость ГП к говорам как по условиям реализации речи (преимущественно неофициальное, спонтанное, персональное, контактное общение), так и по основной сфере коммуникации (бытовой), а также генетическая связь этих языковых подсистем позволяет, на наш взгляд, использовать для стилистического анализа просторечного дискурса критерии выделения сниженных единиц, применяемые исследователями диалектных текстов.

Е. В. Иванцова в работе, посвященной стилевой стратификации дискурса носителя традиционного говора, выделяет в качестве таких критериев своеобразные показатели сниженности лексических и фразеологических единиц, проявляющиеся на разных уровнях. Это просодические признаки (интонация неодобрения, пренебрежения, осуждения, иронии, грубый тон, отрывистость произношения), наличие стилевых парадигматических противопоставлений, преимущественно заочное употребление бранных и негативно-оценочных слов в адрес субъекта оценки, отказ от использования сниженных элементов в присутствии малознакомых людей, эвфемистические замены таких единиц, их сознательный пропуск в речи, замещение сниженных слов жестом, шепотное произношение, формулы извинения при их употреблении, образование смягченных форм при отрицательной характеристике субъекта [Иванцова, 2003, с. 140–141].

В процессе наблюдения над речью Л. Л. мы также выявили некоторые аналогичные показатели сниженности: заочное употребление бранных и негативно-оценочных слов в отношении адресата оценки, просодические признаки при произнесении бранных слов, отказ от использования сниженных элементов в некоторых ситуациях общения, иногда – эвфемистические замены сниженных единиц. В ряде случаев отмечено наличие стилевых парадигматических противопоставлений.

На основании перечисленных показателей определен состав единиц текста Л. Л. мы отнесли к сниженным.

Сниженная лексика и фразеология идиолексикона Л. Л. неоднородна. В ее составе можно условно выделить группы слов и выражений разной степени сниженности.

⁴ Ср., например: «Стилистически сниженные высказывания – это такие высказывания, единицы которых... не соответствуют норме данного языка, иначе говоря, его стандарту, и относятся к языковому субстандарту» [Яковлева, 2008, с. 12].

1. **Незначительно сниженные единицы** немногочисленны – их зафиксировано девять: *башка, бурдюк, морда, рожа, копыта, жрать, коньки отбросить, переться, сдохнуть*. Они характеризуются наличием в идиолексиконе Л. Л. парадигматических противопоставлений, т. е. имеют нейтральные синонимы (*башка – голова, бурдюк – живот, морда – лицо, копыта – ноги, жрать – есть/исть/ись, коньки отбросить – умереть* и т. д.), а также некоторыми ограничениями в употреблении. Информант избегает употребления таких единиц в рамках официального общения (например, в фотоателье с клиентами). В ситуациях неофициального общения Л. Л., как правило, свободно использует слова этой группы, когда говорит о себе или об отсутствующих лицах: *Знаю, что ты мне свежину готовишь, сало жарить. Ты хочешь, чтобы у меня морда была шире, чем фотоаппарат, да?* [дома, с женой, в присутствии гостей]; М. [знакомый]: *Я тебя представляю с метлой!* [смех]. – Л. Л.: *Ходи-ил, слушай! Серёга, ходил, клянусь. А чё тут такого? Жрать-то хочется, ну* [о своей работе в качестве дворника]; *Взрослый человек он!* [сын]. *Ищи сам* [работу]. *Я его раньше таскал по этим калымам всем. Ну если у него башка не работает!* [жалуется знакомому на нерадивость сына].

Если речь идет о присутствующих, Л. Л. склонен использовать нейтральные синонимы незначительно сниженных единиц: Н. [жена]: *Меня сегодня Андрюша беспокоит.* – Л. Л.: *Не ест ничего – одно молоко токо пьёт* [о звукооператоре съёмочной группы, приехавшем в районный центр на съёмки; в присутствии других членов съёмочной группы].

Такие же нейтральные синонимы вместо сниженных используются информантом при общении с женщинами в процессе ухаживания: *Даже вот, знаешь – по статистике, вот это, на подводных вот лодках – это вот – ну-у – у моряков там – матросов меняют местами, постоянно. Чтоб постоянно одни и те же лица они не видели – это как [нрзб.] психоз идёт – и вот, их местами постоянно меняют; Я есть не хочу, слышь. Куда есть – ты чё* [в разговоре с подругой].

Л. Л. избегает употребления минимально сниженных единиц и в ситуации неофициального общения в присутствии незнакомых или малознакомых людей: *Она* [кондуктор троллейбуса, упавшая после резкого торможения] *поднялась, такое у неё лицо, знаешь, оскорблённое...* [в компании гостей дочери, среди которых много незнакомых людей]. Однако подобные случаи в практике общения информанта редки.

2. **Значительно сниженных единиц** в идиолексиконе информанта выявлено 37. К ним относятся необцененные бранные лексемы с обобщенным значением резкого неодобрения, презрения, пренебрежения (*козёл, вонючий, сволочь, ублюдок, дурак*) или более специализированные номинации негативных качеств человека с такой же коннотацией (*жмот* ‘жадный человек’, *двухвоска* ‘двуличный, коварный человек’, *лох* ‘ничтожный, никчемный человек’, *продажная шкура* ‘беспринципный, корыстный человек’, *гнида* ‘склонный к предательству человек’, *деиёвка* ‘подлый, беспринципный человек’, *дебил* ‘глупый человек’ и т. д.) Все они являются экспрессивными характеристиками человека, выражающими разные виды пейоративной эмоциональной оценки.

Такие единицы характеризуются рядом показателей сниженности. Во-первых, они всегда выделены в речи информанта интонациями неодобрения, пренебрежения, осуждения, отвращения, часто произносятся грубым тоном, отрывисто. Во-вторых, Л. Л. употребляет единицы данной группы заочно, в отсутствие адресата брани: *Вот так вот я и жил с этими козлами, б***ь* [со знакомым, о родственниках бывшей жены]; М. [напарник]: *Приходит он [начальник] – потом – и сынок этот ё****й, б***ь.* – Л. Л.: *А, ублюдок этот, б***ь?* [о сыне начальника, часто пресекающем пьянство охранников на рабочем месте]; *Тот, к-козёл,*

*б***ь, обещал, сука, забрать, на х**.* Договорились же, *с-сволочь*, *б***ь* [о сыне, который, вопреки договоренности, не заехал за Л. Л.].

Используя слова этой группы, говорящий стремится не нанести обиду кому-л. или уязвить кого-л., а скорее лишь «выпустить эмоциональный пар», по образному выражению В. И. Шаховского [Шаховский, 2009, с. 57].

Основным ограничителем, «запрещающим» информанту использовать значительно сниженные слова, является ситуация официального общения. Другие ограничения в употреблении таких единиц, связанные со статусом, полом или возрастом слушающих, существуют (так же как и в предыдущем случае, Л. Л. склонен не употреблять бранные необцененные слова в присутствии незнакомых людей и женщин), однако они неустойчивы и зависят, по нашим наблюдениям, от силы эмоционального возбуждения говорящего: чем сильнее эмоция⁵ (как правило, возмущение, негодование), тем меньше Л. Л. считается с присутствием незнакомца или женщины при произнесении единиц данной группы.

Зафиксирован единичный случай метаязыковой рефлексии при употреблении бранного слова: *Ну, где-то пивка поставил, где-то там... чё-то подкин... – ну как ментам – ты знаешь, как всё делается – дел... ну, я не деловой, нет – всё равно там, Вета, они пи-иво даже, где-то чё-то – дешёвкам-ментам. Ой, чё-то... чё-то я так резко сказал, да?* В данном случае Л. Л. оценивает собственное словоупотребление, испытывая некоторое смущение перед непривычным для него собеседником – изучающей его речь женщиной-филологом, носителем ЛЯ. После того как информанту дали понять, что он может говорить «как обычно», тот, освоившись, использует гораздо более сниженные единицы без комментариев. Таким образом, проявления языкового сознания при произнесении сниженных единиц информанту скорее нехарактерны.

3. Максимально сниженные обцененные единицы составляют самую обширную группу сниженных средств идиолексикона Л. Л. (128 лексико-фразеологических номинаций). К обцененностям обычно относят скатологические единицы (обозначения, связанные со сферой дефекации и деуринации и их дериваты) и единицы мата (лексемы и фразеологизмы, образованные от нескольких общеизвестных корней, связанных с сексуальной сферой жизни) [Матвеева, 2010, с. 81; Мокиенко, 1994].

Скатологизмы и мат в дискурсе исследуемой языковой личности обладают разной степенью сниженности.

Скатологизмов в идиолексиконе Л. Л. зафиксировано 16. Их сниженность, как показывают наблюдения над речью информанта, близка к сниженности необцененных бранных единиц.

Семь скатологизмов идиолексикона носителя ГП используются для обозначения органов и функций телесного низа (именно «прямое название всех физиологических отправления» рассматривается учеными как наиболее заметная черта ГП [Капанадзе, 1984, с. 127]), однако только три из них не имеют переносных значений и употребляются исключительно в номинативной функции. Остальные скатологизмы или имеют переносное экспрессивное значение, или представляют собой однозначные экспрессивные⁶ наименования необцененных понятий, за редким исключением – пейоративно-оценочные: *Ну это... это они* [работники дру-

⁵ О силе эмоции мы судим на основе анализа широкого контекста с учетом отраженного в тексте отношения говорящего к описываемой ситуации и интонационных особенностей высказывания.

⁶ Под экспрессивностью мы, вслед за Н. А. Лукьяновой, понимаем «свойство лексической единицы, связанное с ее способностью актуализировать качественно-количественную характеристику реального предмета... и выразить эмоциональную оценку предмета речи, данную ему от лица говорящего» [Лукьянова, 1986, с. 43].

гой смены] *просто са-ами, на х***, *сами, это серут* [сплетничают], *на х***. *Это какая-то гнида завелась – понимаешь, гнида завелась; Вот, Россия, да? Двадцатый первый век – на таком дерьме* [о старом троллейбусе] – *стоко металла, металлолома – всё за границу продают, а здесь...; Он же* [о рабочем из другой смены] *двухво-оска, на х** – понятно же, что он двухвоска, на х***. **Жополуз!**

Сфера свободного употребления скатологизмов в дискурсе носителя ГП ограничивается неофициальным общением в кругу «своих»: напарники-охранники, друзья, знакомые. Из женщин в этот круг включаются первая жена и дочь.

Необходимо отметить, что в этой подгруппе отмечен случай непостоянной степени сниженности, которая зависит от объекта номинации. В контекстах, где скатологизм *жопа* обозначает задний капот автомобиля или часть тела ребенка, он снижен лишь незначительно и может употребляться в разговоре с любыми собеседниками в неофициальной ситуации: **Жопу** *вытянем* [ликвидируем повреждение на задней части автомобиля] *вообще – тыща процентов!* [со знакомой]; Н. [сестра]: *Хоть раз ты своих детей наказывал?* – Л. Л.: *Ну-у – как, по-свойски: где-то в угол поставишь, где-то чё-то, слушай... Всяко – где-то под жопу так стукнешь*. Однако случаи, когда та же единица обозначает часть тела взрослого или является экспрессивным обозначением предельно плохой / интенсивной и т. д. ситуации, зафиксированы только в разговорах Л. Л. с собеседниками-мужчинами: **Жопа** *не замёрзнет, геморрой не схватишь, да?* [со знакомым]; М.: *У меня плотность в аккумуляторе один – девятнадцать, нах!* – Л. Л.: **Вообще жопа, да?** Переменная сниженность этой же единицы отмечена и в словаре диалектной языковой личности [Полный словарь..., 2006, с. 288].

Единицы мата – самая обширная подгруппа сниженных средств в словаре носителя ГП (112 лексем и фразеологизмов). Эти слова и выражения имеют наиболее строгие ограничения в употреблении в зависимости от множества составляющих речевой ситуации.

Использование мата для обозначения понятий интимной сферы в текстах Л. Л. единично. Большая часть единиц этой разновидности обозначает реалии, не связанные с сексуальной сферой, выступая в качестве обсценных номинаций самых разных понятий: «честное слово», «проявлять крайнее неуважение», «сильно надоест», «украсть», «зачем», «восхитительный» и т. п.

При этом важным отличием сниженности в ГП (если судить по идиолексикону Л. Л.) и ЛЯ является то, что в ГП сниженность далеко не всегда сочетается в пределах слова с экспрессивностью (в том числе и с пейоративной эмоциональной оценкой). В дискурсе Л. Л., например, половина единиц мата не имеет экспрессивно-эмоциональных коннотаций: В. [напарник]: *Даже под иглом жили, и то... – Л. Л.: **Один х**** [«все равно»] *выиграла Россия, пра'ильно?*; Л. Л.: *А вот на «Газике» – на «Газике», слушай, шайбы. В этой... – Ю. [знакомый]: **Мо-ожет быть! Шас новая система – на боках идут просто шпильки, ещё сзади, ещё спереди затягиваешь – и всё.** – Л. Л.: *Да? Вот видишь! **Х** его знает*** [«не знаю»]; *Подработаешь – ну и смотаешься там туда-сюда, на х** – **один х***** [«все равно»] *делать **не х***** [«ничего»], *пра'ильно?*; *Так это рубль за минуту – а он **проп**дит*** [«проговорит»] *пятнадцать минут – у тебя' пятнадцать рублей снимет* [с мобильного телефона], *пониа'ешь?* В приведенных высказываниях сниженные (в данном случае максимально сниженные) единицы лишены как эмоциональной оценки, так и интенсивности, то есть не экспрессивны. В высказываниях такого рода тон совершенно нейтральный, мат используется в значении соответствующих литературных аналогов для передачи семантики идентичности, отрицания, неизвестности, как заменитель глаголов речи и т. п.**

Кроме обсценных номинаций, не связанных с интимной сферой, в идиолексиконе Л. Л. присутствуют неизменяемые единицы мата, которые можно назвать «обсценными пустыми частицами», по аналогии с понятием «пустые частицы»,

предложенным Н. Н. Розановой [Розанова, 1983, с. 36]. Занимая скромное место в словарном запасе языковой личности (семь единиц), в ее дискурсе эти единицы «приобретают характеристику сверхчастотности» [Разлогова, 2005, с. 216]. Употребление таких обсценных слов-паразитов считается одной из ярких черт просторечного дискурса ([Гольдин, Сиротинина, 1993, с. 13; Розанова, 1983, с. 36] и др.).

Обсценные пустые частицы, наряду с обсценными междометиями, могут указывать на состояние эмоционального возбуждения говорящего: *Где она есть-то, блин! Б***дь, убью, на х**!* Я ей вообще х** буду звонить, *на х**!* [сам с собой, в состоянии крайнего раздражения, в адрес подруги, не отвечающей на телефонный звонок]. Однако в другой ситуации эти же единицы могут употребляться информантом и в состоянии эмоционального покоя: М. [друг]: *Он [сварочный аппарат] как раз наполовину меньше моего, на х** – по высоте. По ширине такой же он выхо'ит, на х**... – Л. Л.: А... да... чуть-чуть шире, чуть-чуть шире, на х**.* Да вот, видишь – квадрат. Вот делим пополам катушки, *нах* – как раз катушки вмещаются, вишь? Так – так [показывает], *на х**.*

Подробное описание разновидностей лексики мата и степени эмоциональности производимых единиц необходимо здесь постольку, поскольку различные подгруппы данной лексики имеют разные ограничения в употреблении в дискурсе Л. Л.

Л. Л. не употребляет мат, как и сниженные единицы двух других подгрупп, в рамках официального общения, старается не использовать его в присутствии женщин (исключение составляет общение информанта с первой женой, в котором Л. Л. практически не соблюдает табу на произнесение обсценных единиц; это может быть связано и с особым статусом жены – наиболее близкого, «своего» человека, и с длительным общением с ней – около 18 лет). Также информант избегает использования мата в присутствии человека, чей статус оценивается говорящим как высокий (например, начальство) или которого говорящий считает «чужим» (статус незнакомца часто устанавливается по его речи, манере держаться, одежде и т. п.).

Можно выделить и такие ситуации, в которых информант облигаторно использует единицы мата: это неофициальное дружеское или приятельское общение в мужском кругу, особенно в разговорах на типично «мужские» темы (оружие, ремонт и работа различных механизмов, автомобили).

Однако следует отметить, что ограничения в использовании мата могут быть обусловлены не только «внешними» факторами (степень официальности общения, статус собеседников и т. д.), но и эмоциональным состоянием говорящего.

В эмоционально спокойном состоянии носитель ГП или не использует мат, или использует преимущественно эмоционально нейтральные обсценные пустые частицы и обсценные нецензурные обозначения самых разных понятий. Если же информант взволнован, рассержен, испытывает гнев, негодование (что бывает часто), то, во-первых, его речь включает в себя обсценизмы всех типов, в том числе частицы, междометия, экспрессивные мат и скатологизмы с пейоративной коннотацией, а также бранную необсценную лексику – то есть все средства, позволяющие выразить эмоции или дать эмоциональную оценку. В таких случаях информант может перестать соблюдать «внешние» ограничения в использовании мата и употреблять его, например, в присутствии женщин, реже – в присутствии незнакомых и т. п. Надо, однако, заметить, что в ситуации официального общения мата и вообще обсценизмов в речи Л. Л. мы не встретили.

Различные факторы, влияющие на употребление мата и – шире – обсценизмов в речи, могут совмещаться друг с другом: например, неофициальное дружеское общение в мужском коллективе на «мужские» темы в присутствии жены или сестры одного из коммуникантов, общение в состоянии сильного эмоционального

возбуждения в присутствии малознакомых лиц и т. д. В таких случаях, как показывает анализ дискурса, происходит конфликт установок на обценное или необценное общение, который в каждой конкретной ситуации может решаться по-разному.

Обращает на себя внимание отмеченная в дискурсе Л. Л. облигаторность обценного общения в однородном с точки зрения пола и статуса просторечном коллективе⁷. Использование обценных слов в таких ситуациях может показаться функционально неоправданным. Однако способность носителя ГП контролировать употребление сниженных и, в частности, обценных единиц в речи свидетельствует о том, что обценное общение в подобной речевой ситуации все же выполняет определенную функцию.

Учитывая, что единицы мата представляют собой наиболее сниженные, грубые и непристойные единицы, считаем весьма вероятным, что мужчины-носители ГП в гендерно однородной среде, переходя на обценное общение, целенаправленно демонстрируют тем самым готовность выйти за пределы норм и приличий как проявление мужественности, брутальности⁸. Вероятно, это происходит не вполне осознанно, в рамках своего рода этикета, принятого в кругу мужчин-носителей ГП. Этот этикет имеет, по-видимому, глубокие культурные корни, как свидетельствуют исследования по истории мата (см.: [Успенский, 1996; Михайлин, 2003]). Ю. В. Щербинина замечает, что демонстрация подобной готовности не обязательно подразумевает наличие реальной агрессии: употребление обценных слов может преследовать цель имитации агрессии, которая обычно имеет место перед проявлением настоящей агрессии или вместо нее [Щербинина, 2012, с. 112].

Таким образом, исследование идиолекта Л. Л. показало, что в нем, кроме нейтрального, выделяется сниженный стиль, занимающий значительное место. Речевая практика Л. Л. не позволяет говорить о существовании высокого стиля в его дискурсе.

Состав лексико-фразеологических единиц, относящихся к нейтральному стилю у носителя ГП, не совпадает с литературным: многие слова и выражения, рассматриваемые в кодифицированной языковой подсистеме как сниженные, в речи информанта стилистически нейтральны.

Сниженность единиц лексикона Л. Л. проявляется в различных ограничениях их дискурсивного употребления в зависимости от ситуации общения в целом, характеристики адресата и других участников общения (их пол, статус и т. д.), эмоционального состояния говорящего и т. д., а также часто характеризуется просодическими признаками.

Сниженная лексика и фразеология носителя ГП неоднородна по степени сниженности, ее можно условно разделить по данному основанию на три подгруппы. Самая многочисленная из них и в то же время наиболее употребительная в речи Л. Л. – обценные слова, в частности единицы мата, являющиеся, как правило, обценными номинациями самых разных понятий.

Анализ употреблений сниженных единиц в дискурсе Л. Л. выявил, что не все они обладают экспрессивностью. Неэкспрессивные сниженные единицы, которые

⁷ Аналогичные выводы на основе анализа записей речи уральских рабочих, являющихся носителями ГП, отражены в исследовании Н. А. Купиной и И. В. Шалиной [Купина, Шалина, 2004, с. 32–37].

⁸ Подобное наблюдение имеется в работе М. Т. Дьячка: «Речь с использованием матов является своеобразным регистром, на который носитель просторечия переключается в том случае, когда он хочет подчеркнуть свое возбуждение, раздражение, агрессивность или просто готовность перейти к активным действиям...» [Дьячок, 2003].

информант использует в рамках своего рода этикета, принятого в кругу мужчин – носителей ГП, сигнализируют о том, что происходит сниженное, обценное общение.

Разумеется, обобщений, базирующихся на данных идиолекта одного носителя ГП, недостаточно для их экстраполяции на всю подсистему русского ГП в целом без дополнительных исследований. Необходимо сопоставление идиолектов по крайней мере нескольких носителей просторечия, привлечение сведений из лексикологических, социолингвистических, лингвокультурологических трудов, посвященных ГП. Вместе с тем наши наблюдения над речью конкретной языковой личности во многом соотносятся с результатами исследований современного просторечия в работах Т. Б. Банковой, Б. В. Быкова, М. Т. Дьячка, И. В. Шалиной и др. Заключение о стилевой организации идиолекта Л. Л. коррелирует с выводами А. А. Юнаковской о наличии двух стилей – обиходно-разговорного и сниженного – в просторечии г. Омска [Юнаковская, 1997, с. 81].

Хочется надеяться, что развитие лингвоперсонологических исследований, в том числе исследование языковых личностей носителей ГП, будет способствовать постижению сущностных свойств этой недостаточно изученной подсистемы русского национального языка.

Список литературы

- Банкова Т. Б.* Лексика томского городского просторечия (типология описания): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1987. 18 с.
- Быков В. Б.* Лексикологические и лексикографические проблемы исследования русского субстандарта: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001. 311 с.
- Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б.* Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. Вып. 25: Проблемы культуры речи. Саратов, 1993. С. 9–19.
- Дьячок М. Т.* Русское просторечие как социолингвистическое явление // Гуманитарные науки. Вып. 21. М., 2003. С. 102–113. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/dyachok-03a.htm> (дата обращения 05.05.2015).
- Иванцова Е. В.* К вопросу о стилевой стратификации дискурса носителя традиционного говора // Актуальные проблемы русистики: Материалы междунар. науч. конф. Томск, 2003. Вып. 2, ч. 1. С. 135–146.
- Иванцова Е. В.* Идиолектология // Томская диалектологическая школа: Историографический очерк. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. С. 157–164.
- Иванцова Е. В.* Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности: Учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 160 с.
- Иванцова Е. В., Соломина Е. В.* Об эффективных методах записи спонтанной устной речи при изучении языковой личности // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2014. № 3(29). С. 14–27.
- Капанадзе Л. А.* Современная просторечная лексика (московское просторечие) // Городское просторечие. Проблемы изучения. М., 1984. С. 125–129.
- Купина Н. А., Шалина И. В.* Современное просторечие: взгляд изнутри // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1(7). С. 23–62.
- Лукьянова Н. А.* Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск: Наука, 1986. 228 с.
- Матвеева Т. В.* Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 562 с.
- Михайлин В. Ю.* Русский мат как мужской обценный код: Проблема происхождения и эволюция статуса // Новое литературное обозрение. 2003. № 43(3). С. 347–393.

Мокиенко В. М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика. 1994. № 1/2. С. 50–73. URL: www.philology.ru/linguistics2/mokiyenko-94.htm (дата обращения 05.06.2015).

Полный словарь диалектной языковой личности / Авт.-сост. О. И. Гордеева, Л. Г. Гынгазова, Е.В. Иванцова и др.; Под ред. Е. В. Иванцовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. Т. 1. 358 с.

Разлогова Е. Э. Логико-когнитивные и стилистические аспекты семантики модальных слов: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 294 с.

Розанова Н. Н. Суперсегментная фонетика // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983. С. 5–79.

Сдобников В. В. Проблемы передачи функций стилистически сниженной лексики в переводе художественного текста: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1992. 238 с.

Соломина Е. В. Языковая личность носителя городского просторечия: К обоснованию объекта исследования // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики: Материалы конф. молодых ученых. Вып. 11. Томск, 2010. Т. 1: Лингвистика. С. 224–228.

Степанов Ю. С. Стиль // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Яреца. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 494–495.

Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. 122 с.

Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б. А. Избр. тр. Т. 2: Язык и культура. 2-е изд., испр. и доп. М.: Яз. рус. культуры, 1996. С. 67–161.

Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. 3-е изд. М.: Кн. дом «Либроком», 2009. 208 с.

Щербинина Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды. М.: Форум, 2012. 398 с.

Юнаковская А. А. Экспрессивно-стилистическая дифференциация просторечной лексики (на материале г. Омска) // Городская разговорная речь и проблемы ее изучения Омск, 1997. Вып. 1. С. 80–87.

Яковлева М. А. Компенсация при передаче стилистически сниженных высказываний на разных уровнях текста: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 130 с.

E. V. Solomina

On stylistic differentiation of the urban vernacular speech

The paper raises the issue of the stylistic differentiation of urban vernacular. The analysis is based on the records of a concrete speaker's oral spontaneous speech. The paper shows there are two styles in the native vernacular-2 speaker's idiolect – a reduced style and a neutral one. Revealed in the above linguistic personality's idiolect during the analysis were the following reduced style criteria: using expressive insulting pejoratives in the recipient's absence; prosodic signs while pronouncing the insulting words; avoiding the use of reduced words in some situations. It is established that a vernacular speaker's reduced vocabulary is heterogeneous, there are some groups in its structure with different grades from insignificant to maximal.

Keywords: urban vernacular, linguistic personality, idiolect, style system, reduced words.

DOI 10.17223/18137083/55/15